

Десакрализация монархии

При слабом царе ускорился процесс эрозии династической скрепы государственности. «Ходынская катастрофа» и «Кровавое воскресенье» стали роковыми для Николая II моментами, подрывающими основы царского культа в народе. Происходит стремительная десакрализация монархии.

Постоянные уступки царя давлению обстоятельств подрывали основы его власти. Уступки в политике вещь достаточно тривиальная. Однако по отношению к фигуре, почитавшейся в качестве Божественного помазанника, они были невозможны. Демонстрируя слабость, Николай II не просто лишал себя политического будущего, но подрывал теократическую природу русской монархии. Десакрализация монаршей власти в России предполагала ее близкую гибель. Как секулярный институт, по подобию монархий Европы, она существовать не могла. Идея самодержавия была религиозной. Самодержец не был верховным сувереном в его европейском понимании. «Самодержавие, — пояснял консервативный публицист Д. А. Хомяков, — ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесарского пошиба. Царь есть “отрицание абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной»⁴³. Сам Николай II уже не мыслил в категориях религиозного понимания самодержавной власти. Запись его в анкете переписи 1897 г. «хозяин земли Русской» говорит о достаточно упрощенном, даже примитивном, вотчинном, но не теократическом рассмотрении монаршего призвания. Впоследствии, уже отрекаясь от престола в пользу Михаила, он писал: «Заповедуем Брату Нашему править делами Государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу». Исследователи не обратили должного внимания, что это было не просто отречение от престола, но и отречение от самодержавия.

Фактически же самодержавная модель была ликвидирована еще на первом этапе николаевского правления. Разрушенной

⁴³ Хомяков Д. А. Православие, самодержавие, народность // <http://providenie.narod.ru/0570.html>

де-факто оказалась прежняя идеология режима. Государственная власть вообще не имела четкого идеологического позиционирования.

Произошедшая трансформация отражается в изменении образов позиционирования царской власти. Режим дезавуировался через его карикатуризацию. Для русского революционного подполья основной фигурой такой карикатуризации являлся сам самодержец. После «Кровавого воскресенья» Николай II часто именовался в народе, казалось бы, в немыслимых для сакральной традиции царского культа терминах, таких как «кровопийца», «душегуб», «изверг», «злодей»⁴⁴. Инфернальные характеристики сменялись гротескными. Формировался образ выпивохи, рогоносца, находящегося под командой жены-немки. По свидетельству видного деятеля кадетского движения В. А. Оболенского, впечатление, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшим, в худшем предателем, имело всеобщее распространение⁴⁵.

В оппозиционной печати была предпринята массированная кампания высмеивания Николая II. Через развенчание его образа реализовывалась задача десакрализации самодержавия, лишение его легитимных оснований в массовом восприятии. Была создана серия фельетонов, в которых высмеивался жестокий и глупый монарх — царь Горох, царь Берендей, Ксеркс, Мидас, царь Додон. То, что подразумевался действующий российский самодержец, было достаточно очевидно. Широко обыгрывалась тема нанесения тогда еще цесаревичу Николаю Александровичу сабельного удара во время его визита в Японию. Характерный гротеск состоял в изображении маленького курносого мальчика с шишкой на лбу. Далее сам образ шишки — «еловая шишка», устойчиво ассоциировался с Николаем II. Одна из карикатур, опубликованная в журнале «Маски», имела название «Нечто фантастическое, или Черная сотня, провожающая еловую шишку, которая садится на корабль для плавания по морю внутренних волнений...»

Реакцией на слова С. Ю. Витте о «пламенном сердце» императора явилось появление карикатуры, где тот же малень-

⁴⁴ Буховец О. Г. Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН 1996. С. 183–195. С. 185, 187, 190.

⁴⁵ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 51.

кий мальчик на рахитических ножках изображался с головой-сердцем. Художник И. Я. Билибин изобразил осла со всеми регалиями императорской власти. Выполненный по канонам монарших портретов билибинский рисунок получил широкую известность. Современным анекдотам про «Вовочку» предшествовали такие же анекдоты про «Коленьку» (или мальчика Колю Р.). А между тем присягали на верность именно императору, чья делегитимизация означала подрыв самой идеи государственного служения⁴⁶.

Доставалось не только царю. Шла персональная проработка наиболее заметных представителей официальной политической элиты. В массовом восприятии складывалось устойчивое впечатление, что у трона сосредоточились исключительно «держиморды», бездари, посредственности, казнокрады, лжецы, люди с умственными и психическими отклонениями. Это были не реальные персоны власти, а именно символы режима.